

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪДОМОСТИ.

18-го іюля

№ 28.

1878 года.

Отъ Ташкентской областной почтовой конторы.

Ташкентская областная почтовая контора приглашаетъ подавателей страховой, заказной и простой корреспонденции, поименованной ниже сего, въ списокъ возвращенной изъ мѣстъ назначенія и не отправленной по назначенію за несоблюденіемъ почтовыхъ правилъ, явиться въ сію контору за полученіемъ таковой обратно.

Списокъ простымъ и заказнымъ письмамъ, обратно возвращеннымъ по разнымъ причинамъ въ Ташкентскую областную почтовую контору за вторую половину іюня 1878 года:

Заказныя письма:

Въ Инсаръ, Максиму Кошелеву.

— Сызрань, Николаю Панфилову. Оба за неявкою получателей и по истеченіи срока храненія.

Въ Балашовъ, Петру Мещерякову. За ненахожденіемъ.

— Оренбургъ, Александру Петрову. За неявкою получателя и по истеченіи срока храненія.

Въ Петроковъ, Іосифу Сосновскому. За смертію.

Простыя письма:

Въ С.Петербургъ, Маріи Курбатовой.

— Перовскъ, Павлу Кузнецову.

— Бухарестъ, Екатеринѣ Лебидевой.

Всѣ три за выѣздомъ неизвѣстно куда.

Въ Кореунъ, Федору Нишину.

— Оренбургъ, Алексѣю Ножеву.

— Кокандъ, Михайлу Вознесенскому.

— С.-Петербургъ, Прасковѣ Андреевой.

Всѣ четыре безъ наложенія почтовыхъ марокъ.

— Ковно. Въ Дашковское Волостное Правленіе.

— Одессу, Георгію Цапину.

Оба съ марками 3-хъ копѣчнаго достоинства.

Денежные пакеты, обратно возвращенные въ Ташкентскую областную почтовую контору по разнымъ причинамъ, въ теченіи второй половины іюня 1878 г.

Изъ Ташкента:

Капитаномъ 4 стрѣлков. баталіона Александровымъ. Въ Москву, въ магазинъ Омиша на 1 руб.

Ерофеемъ Бандуревымъ, рядовымъ. Въ Николаевскъ Самарск. губ. Константину Криндилю 1 руб.

Марфой Афанасьевой. Въ Томскъ, Дарѣ Петровой 5 руб.

Отъ Ташкентской женской гимназіи.

Ташкентская женская гимназія имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что пріемные экзамены въ гимназіи начнутся съ 16 августа. Прошенія о пріемѣ принимаются въ канцеляріи гимназіи по понедельникамъ, вторникамъ, средамъ и четвергамъ отъ 12 до 2-хъ ч. Въ это же время можно получать въ канцеляріи печатныя бланки прошеній, программы и правила для поступленія въ гимназію.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ.

Манкытская династія, нынѣ царствующая въ Бухарѣ.

Нынѣшніе правители Бухарскаго ханства происходятъ изъ простыхъ узбековъ Манкытскаго рода. Такія явленія, что лица не царскаго рода смѣщаютъ правителей, царствовавшихъ по праву своего происхожденія и законной, временемъ освященной преемственности, въ исторіи не рѣдки. Но происходитъ это тогда, когда законные государи, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, мельчаютъ, такъ сказать—теряютъ свое значеніе и способность заправлять дѣлами государства. А напротивъ, изъ народа начинается выдвигаться какой нибудь родъ, который дѣлается извѣстнымъ или дѣятельностію своею, или умомъ, или другимъ какимъ качествомъ. Обыкновенно такой родъ или семейство приближается къ трону, несетъ на своихъ плечахъ весь трудъ управленія и, въ концѣ концовъ, добываетъ себѣ царское достоинство. Такое точно явленіе замѣчаемъ мы при возникновеніи въ Бухарѣ нынѣ царствующей династіи.

Въ половинѣ XVIII столѣтія Астраханская династія (по Френу—Джаниды), царствовавшая въ Бухарѣ съ самаго начала XVII столѣтія (а всего около 200 лѣтъ), стала приходить къ упадку. Ханъ Абуль-Фейзъ былъ убитъ въ 1747 г. своимъ аталыкомъ, Мухамедъ-Рахимомъ. Этотъ Мухамедъ-Рахимъ находился на службѣ у шаха Надира и былъ посланъ имъ, въ качествѣ начальника охранной стражи, приставленной для сопровожденія жены шаха, дочери Абуль-Фейза, на побывку къ отцу въ Бухару. Дорѣгой М. Рахимъ получилъ извѣстіе что шахъ Надиръ убитъ. Скрывъ это извѣстіе, М. Рахимъ написалъ подложную гра-

моту, въ которой говорилось, что онъ посланъ въ Бухару для наказанія Абуль-Фейза за непорядки и для вступленія въ управленіе ханствомъ въ должности аталыка. Прибывъ въ Бухару, М. Рахимъ казнилъ Абуль-Фейза и женился на его дочери, вдовѣ шаха Надира.

Но аталыкъ не рѣшился объявить себя ханомъ, неимѣя на то права по своему происхожденію; а сталъ возводить, но лишь только для виду, лицъ ханскаго рода, которыя въ сущности не имѣли никакого значенія, а были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ честолюбиваго аталыка. Такихъ подставныхъ хановъ было двое: Абдъ-уль-Мунинъ и Убейдъ-Уллахъ. По смерти послѣдняго изъ нихъ, если вѣрить показанію Иззетъ-Уллаха, Мухамедъ-Рахимъ объявилъ себя ханомъ. Если Иззетъ-Уллахъ правъ, то ханствованіе Мухамедъ-Рахима (или иначе: Рахимъ-біи) не было продолжительно: не болѣе двухъ—трехъ лѣтъ (*).

По смерти Мухамедъ Рахима власть его наслѣдствовалъ племянникъ, родомъ узбекъ изъ поколѣнія Манкытъ, Даніаль бій. У Мухамедъ-Рахима дѣтей не осталось. Даніаль-бій не объявилъ себя ханомъ, а удовольствовался болѣе скромнымъ титуломъ аталыка. На ханскій же престолъ возвелъ онъ двоюроднаго племянника хана Абуль-Фейза, Абуль-Гази. По Ефремову—Абуль-Гази былъ до этого времени пастухомъ. Такъ аталыкомъ Даніаль-бій и умеръ.

Шахъ-Мурадъ,

по прозванію Маасумъ-Гази. 1203—1215
(=1788,9—1801).

Предъ смертію Даніаль-бій объявилъ своимъ преемникомъ своего старшаго сына, Шахъ-Мурада. Но Шахъ-Мурадъ отклонилъ отъ себя эту честь. Еще когда здравствовалъ Даніаль-бій и когда Шахъ-Мураду минуло 25 лѣтъ, въ его образѣ жизни совершилась рѣзкая перемѣна. До этого времени велъ онъ жизнь веселую, разгульную; а теперь вдругъ полюбилъ отшельничество, сдѣлался набожнымъ, мистикомъ, сталъ проводить время въ бесѣдахъ съ учеными и святошами, и самъ написалъ нѣсколько богословскихъ сочиненій. Годъ спустя послѣ такого переворота въ поведеніи Шахъ Мурада, умеръ его отецъ. Молодой святоша и слышать не хотѣлъ о вступленіи въ должность отца. Надѣвъ дервишскую рясу, заперся онъ въ одной изъ мечетей и еще болѣе, казалось, рѣшился отречься отъ житейской суеты. И доказалъ онъ это еще тѣмъ, что не принялъ своей доли наслѣдства: „богатства эти приобрѣтены путемъ насилія и несправедливости; отдайте ихъ тѣмъ, у кого они отняты; а я никогда не соглашусь осквернить рукъ своихъ такимъ достояніемъ“. Такъ сказалъ Шахъ-Мурадъ посланнымъ къ нему. Мало того: одѣвшись въ рубище, повѣсивъ саблю на шею, пошелъ онъ по улицамъ Бухары, слезно умоляя жителей простить проступки и преступленія его покойнаго отца, и въ искупленіе ихъ предлагалъ свою жизнь. Народъ былъ удивленъ столь необыкновенною святостию въ молодомъ человѣкѣ такого высокаго званія. За нимъ повалили толпы народа, какъ за пророкомъ, и всѣ молились съ нимъ за его отца. Такъ примирилъ Шахъ-Мурадъ народъ съ жестокимъ управленіемъ своего отца и обратилъ на себя всеобщее вниманіе. До этого времени онъ былъ извѣстенъ, какъ святоша, только между учеными и богословами; теперь же всѣ стали говорить о святости Шахъ-Мурада, и молва о немъ все усиливалась. Но въ то же время усиливалась и ревность Шахъ-Мурада къ суфизму. По правиламъ суфіевъ, презираются всѣ удовольствія свѣта и особенно всякая власть на землѣ. И вотъ молодой суфи заключился въ главной мечети Бухары, гдѣ проводилъ время въ молитвахъ и созерцаніи, не допуская къ себѣ никого, кромѣ любимыхъ учениковъ. Здѣсь написалъ онъ замѣчательнѣйшее свое сочиненіе *Айнъ-эль-хикметъ* (عين الحكمت) „Источникъ мудрости“. Народъ каждый день толпами собирался къ мечети, гдѣ подвизался Шахъ-Мурадъ, и ждалъ его выхода, чтобы увидать его, слѣдовать за нимъ, слышать его рѣчи. Изрѣдка выходилъ Шахъ-Мурадъ изъ своей кельи и, сопровождаемый массою народа, отправлялся разрушать игорные дома и другіе притоны разврата. Постудившись такимъ образомъ на дѣло религіи, опять удалялся онъ въ мечеть.

А между тѣмъ дѣла въ Бухарѣ были въ крайне печальномъ положеніи. По смерти Даніаль-біи управлять государствомъ сталъ кушъ-беги Доулетъ; а братья Шахъ-Мурада начали распри за верховную власть. Результатомъ такого положенія дѣлъ явились страшные безпорядки и повсюду неурядицы. Народъ заволновался; въ Бухарѣ вспыхнуло возмущеніе, во время котораго погибло много жителей. Тогда самъ ханъ Абуль-Гази и вся знать города отправились тор-

(*) Подтверженіемъ показанію Иззетъ-Уллаха служитъ монета, битая М. Рахимомъ, на которой онъ величаетъ себя ханомъ. Монета эта описана В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ (Монеты Бухарскія и Хивинскія, стр. 409).

жественной процессіей къ Шахъ-Мураду, повели его на могилу отца и здѣсь стали умолять принять въ свои руки бразды правленія и поддержать гибнувшее отъ неурядицъ государство. Долго отпѣкивался Шахъ-Мурадъ, наконецъ уступилъ усиленнымъ просьбамъ и согласился принять участіе въ управленіи, но не болѣе, какъ совѣтами и указаніями. Но это продолжалось недолго. Правитель Шехрисабзской области Ниязъ-Али, добивавшійся независимости еще при Даніяль-біѣ, вздумалъ теперь посягнуть на Бухарскія владѣнія. Тогда Шахъ-Мурадъ принялъ титулъ *наиба* **نایب** т. е. «наместника» хана и выступилъ противъ Ниязъ-Али. Ниязъ-Али былъ разбитъ и потерялъ часть своихъ владѣній. Шахъ-Мурадъ же получилъ почетное прозвище *Величій* (**ولی نعمت**) „благодѣтель“, и сталъ править ханствомъ самостоятельно; а кушъ-беги Доулега, сообщаетъ Мейендорфъ, лишилъ жизни.

Положеніе хана при Шахъ-Мурадѣ было далеко незавидно. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ положеніи Мулла-Ахмедъ Саидъ, бывшій въ Оренбургѣ въ 1825 году: „его (т. е. Абуль-Гази) хорошо кормили и одѣвали, но власти онъ не имѣлъ. Можно было ходить къ нему пить чай или съ поклономъ, но принести ему жалобу или просьбу подать о чемъ либо никто не отваживался, зная, что за это сильно бы досталось отъ Шахъ Мурада“. Другой рассказчикъ, Мирза-Шемсъ, сообщаетъ: Абуль-Гази держали съ семьей въ городѣ Вафкентѣ, неподалеку отъ Бухары, подъ карауломъ, и только по пятницамъ, надѣвъ на него чалму, привозили въ Бухару, въ мечеть, а какъ служба въ мечети отходила, отвозили обратно“.

Еще нагляднѣе передаетъ о томъ же нашъ горный чиновникъ Бурнашевъ, посѣтившій Бухару въ 1794 году. Онъ пишетъ: сначала Шамратъ-бекъ (такъ Бурнашевъ и Ефремовъ называютъ Шахъ-Мурада) при тогдашнемъ Абуль-Гази ханѣ былъ аталкомъ или правителемъ, какъ обыкновенно каждый ханъ при себѣ одного имѣетъ въ видѣ министра и который перѣдко властію своею становится опасенъ для самого хана. Онъ сдѣлался и дѣйствительно самовластнымъ правителемъ Бухаріи. Абуль-Гази-ханъ въ то время не вступался уже ни въ какія гражданскія дѣла и, оставя тронъ, жилъ въ кругу своего семейства въ одной деревнѣ близъ столичнаго города Бухары. „Многіе увѣряютъ, что онъ принужденъ былъ противъ воли удалиться въ сіе мѣсто, гдѣ приставленъ къ нему караулъ, которому строго приказано не выпускать хана никуда изъ замка, въ которомъ онъ заключенъ; а на содержаніе его опредѣлена небольшая денежная сумма“.

Этотъ послѣдній рассказъ показываетъ, что ханъ Абуль-Гази былъ свергнутъ съ престола; но когда это случилось, не знаемъ. До сихъ поръ принималось, что это событіе имѣло мѣсто въ 1200 году гіджры, что по нашему въ 1785,6 годахъ. Думать такъ можно было потому, что этого года мы имѣемъ монету, битую еще съ именемъ Сейида Абуль-Гази хана; а затѣмъ намъ начинаютъ попадаться монеты, битыя уже Шахъ-Мурадомъ въ честь отца эмира Даніяля (отъ своего имени монеты Шахъ-Мурадъ не билъ). Но древнѣйшая изъ такихъ монетъ относится только къ 1203 (т. е. 1788,9) году (*). Между тѣмъ въ собраніи монетъ, вывезенныхъ изъ Самарканда Д. О. Петровымъ, имѣется экземпляръ 1202 года (1787,8) съ именемъ Абуль-Гази хана. Слѣдовательно, въ этомъ году этотъ послѣдній Астраханидъ еще правилъ, хотя и номинально, а не вовсе былъ устраненъ. На этомъ основаніи начало царствованія Шахъ-Мурада я отношу къ 1203 (1788) году.

Послѣ смерти Абуль-Гази хана (случившейся не раньше 1795 года), Шахъ - Мурадъ нашелъ нужнымъ титулъ *наиба* замѣнить болѣе важнымъ; но тутъ обнаружилъ онъ свою набожность. Шахъ-Мурадъ не принялъ титула хана, а сталъ называться *эмиромъ* (сокращенное изъ *эмиръ эль - муменинъ*), духовнымъ титуломъ, который носили некогда халифы. Съ этого времени бухарскіе правители и стали называться эмирами; титулъ же *ханъ* или *бегадуръ-ханъ* удержалось только официально въ грамотахъ и письмахъ. На монетахъ преемники Шахъ-Мурада называли себя эмирами, сейидами или падишахами. Самъ же Шахъ-Мурадъ правилъ подъ именемъ *Маасума-Гази* **معصوم غازي** „непорочнаго воителя“. Царскаго вѣнца онъ на себя никогда не возлагалъ и, по свидѣтельству Мирзы-Шемсы, не допускалъ, чтобы имя его поминалось на эктеніяхъ или чеканилось на монетахъ (вещь на мусульманскомъ востокѣ важная). „Мы не царскаго рода, — говорилъ онъ, — наши предки были простые узбеки“.

При всемъ томъ слѣдуетъ замѣтить, что сдѣлавшись полновластнымъ вершителемъ

дѣлъ въ Бухаріи, Ш. Мурадъ сталъ сильно заботиться о томъ, какъ бы облагородить свое происхожденіе съ цѣлю упрочить власть за своимъ потомствомъ. Для этого, надо полагать, женился онъ на вдовѣ Рахимъ-бія, которая, какъ сказано, была дочь Абуль-Фейзъ-хана, и тѣмъ приобрѣлъ право величаться *сейидомъ* (*). Но самъ Ш. Мурадъ титула этого никогда не употреблялъ.

Такое лицо, какъ Шахъ - Мурадъ, вступивъ въ управленіе, долженъ былъ ввести новые порядки. И дѣйствительно мы видимъ, что религіозная сторона получила при Ш. Мурадѣ преобладающее значеніе; религіозное направленіе проникало всюду.

Прежде всего Ш. Мурадъ приступилъ къ исправленію нравственности населенія. Игрные дома и всякіе притоны разврата были имъ уничтожены; куреніе табаку было запрещено; требовалось самое строгое исполненіе религіозныхъ обязанностей. На полицейскихъ чиновниковъ возложено было побуждать нерадивыхъ плетью. Носилъ онъ платье, спитое изъ самой грубой ткани, ходилъ всегда засаленный, и этимъ любилъ щеголять, потому что сановникамъ своимъ позволялъ одѣваться роскошно и пышно. Малькольмъ приводитъ характерный рассказъ посла къ Ш. Мураду отъ Чинаранскаго владѣтеля Мамышъ-хана. Посла ввели въ блестящее собраніе, въ которомъ, къ удивленію иностранца, всѣ отдавали царскія почести какому-то засаленному замарашкѣ. Этотъ замарашка былъ Шахъ-Мурадъ. Весь дворъ Ш. Мурада составляли прислужникъ и поваръ. Обыкновенное его кушанье, пишетъ Бурнашевъ, было хлѣбъ и вода. На свое содержаніе Ш. Мурадъ употреблялъ одну тенггу (20 коп.) въ день; только женѣ своей, дочери Абуль-Фейзъ-хана выдавалъ по 3 тенгги въ день, ито ворчалъ, что много даетъ; но когда она родила ему сына (Миръ-Хайдера), то онъ такъ обрадовался, что наслѣдникъ его по женской линіи будетъ чингизидъ, что опредѣлилъ женѣ по 5 тилъ (20 руб.) въ день; а впослѣдствіи, когда она подарила его еще двумя сыновьями — содержаніе это было удвоено. Семейство эмира помѣщалось во дворцѣ.

Требованія религіи Ш. Мурадъ ставилъ выше всего. Одно изъ этихъ требованій — отиравленіе правосудія: дворецъ эмира обратился въ судебную палату, гдѣ засѣдало ежедневно 40 избранныхъ законовѣдовъ, которые, подъ предѣлательствомъ самого эмира, творили самый нелицепріятный судъ, строго держась буквы закона. Такъ, напримѣръ, разбойниковъ казнили смертію, ворами отрубали правую руку, пьяницъ сѣкли публично, и т. д.

На религіозномъ же основаніи произведены были и финансовыя реформы. Многіе сборы, введенные въ предшествовавшія царствованія, были отмѣнены; но подати съ немусульманъ (*джезійэ*) и религіозный сборъ съ мусульманъ (*зекятъ*) требовались по всей строгости. Послѣднимъ обложилъ Ш. Мурадъ даже солдатъ. Равнымъ образомъ сохранены пошлыны съ иностранныхъ товаровъ и оброкъ съ казенныхъ земель.

Исламъ требуетъ распространять его среди невѣрныхъ силою оружія. За неимѣніемъ подъ рукой настоящихъ невѣрныхъ, Ша-Мурадъ обратилъ оружіе свое противъ персіянъ-шіитовъ, которыхъ среднеазиатскіе сунниты считаютъ даже хуже невѣрныхъ. А потому, какъ только Ш. Мурадъ усмиривъ Шахрисабзскаго владѣльца, подчинилъ себѣ владѣльца Ходжента и завоевалъ Мервъ, онъ сталъ ежегодно ходить съ войскомъ въ Хорасанъ „для искорененія ереси и еретиковъ“. Въ случаѣ же неудачи вывертывался какою-либо отговоркою, но опять-таки религіознаго характера: являлся, дескать, мнѣ во снѣ такой-то святой и просилъ пощадить городъ. Или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Войсками своими Ш. Мурадъ всегда предводительствовалъ самъ и всегда находился во главѣ арміи. Въ войскахъ муллы строго наблюдали, чтобы воины во время похода исправно творили намазъ пять разъ въ сутки.

Не совсѣмъ удачно было для Ш. Мурада столкновеніе его съ Тимуръ-шахомъ авганскимъ; но эмиръ сумѣлъ отдѣлаться отъ него дешево. Гораздо опаснѣе могла быть для бухарцевъ предстоявшая имъ въ концѣ царствованія Ш. Мурада борьба съ персидскимъ шахомъ Ага - Мухаммедомъ. Уже всѣ ругательства, въ начавшейся между двумя владыками перебранкѣ, были истощены; осталось только одно — прибѣгнуть къ оружію. Но столкновенія не послѣдовало: русскій походъ въ Персію подъ начальствомъ графа Зубова въ 1796 году, избавилъ Ш. Мурада отъ необходимости вступить въ рискованную борьбу. Отношенія Ш. Мурада къ Россіи были дружественны, такъ что Императрица Екатерина пожертвовала на построеніе въ Бухарѣ медресе

(*) См. Catalogue des monnaies et des médailles du Cabinet numismatique par E. Berésine; Casan 1855; p. 170.

(*) Сейидами называются въ Бухарѣ потомки халифовъ Османа и Али, происшедшіе отъ дочери Мухаммеда; потомки же халифовъ Абу-Бекра и Омара, называющіеся халифами, но отъ другихъ женъ, называются Ходжами. (См. Ханькова описаніе Бухарскаго ханства, стр. 182).

40,000 рублей. Медрессе это одно изъ лучшихъ въ городѣ и называется *Медрессе-Назаръ-Ильчи*, по имени посланца эмира.

Какой же вышелъ результатъ правленія Ш. Мурада?

Самый ощутительный результатъ царствованія Ш. Мурада есть тотъ, что Бухара изъ веселаго, разгульнаго города, — города, въ которомъ находилось нѣсколько тысячъ игорныхъ домовъ, обратилась въ монастырь, настоятелемъ котораго явился первый святоша и знаменитѣйшій муршидъ своего времени. Всѣ, желавшіе посвятить себя изученію религіи, принимались въ медрессе съ полною предупредительностію и поощрительностію, вродѣ, напимѣрь, готоваго содержанія. Говорятъ, что число студентовъ при Ш. Мурадѣ доходило до 30,000 человекъ. Съ этого времени бухарскіе медрессе стали привлекать учениковъ не только изъ Туркестана, но и изъ сосѣднихъ странъ — изъ Персіи, Авганистана, Индіи и даже изъ Россіи (татаръ). Городъ Бухара сталъ играть первенствующую роль въ мусульманскомъ мірѣ Средней Азіи. Бухара по праву стала называться святою بخاراى شريفъ.

Святою считается и самая почва ея, такъ что всякій ревностный мусульманинъ стремится быть погребеннымъ въ Бухарѣ.

Вслѣдствіе такого значенія, приобрѣтеннаго городомъ, и эмиры являются въ глазахъ народа, по крайней мѣрѣ въ Средней Азіи, представителями и охранителями мусульманства: обстоятельство важное, которое намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду.

Подробныя свѣдѣнія о Шахъ-Мурадѣ находятся: у *Малькольма* въ его „Исторіи Персіи“ (History of Persian, London 1815. Имѣется и во французскомъ переводѣ); онъ сообщилъ біографію Ш. Мурада по персидскимъ источникамъ, которые, кажется, уже утратились. У *Филиппа Ефремова*, въ „Десятилѣтнихъ странствованіяхъ“, Казань 1811. Въ „Запискахъ“ горнаго чиновника *Тимофея Бурнашева*, помѣщенныхъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, изд. Спасскаго, за 1818 г. И у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей, относящихся болѣе къ слѣдующему ханствованію: у Мирзы - Шемса, Мейендорфа, Эверсмана. () войнахъ Ш. Мурада съ авганскимъ Тимуръ-шахомъ — у *Эльфинстона*: An account of the kingdom of Caubul, London 1839; II.

Миръ - Хайдеръ.

1215—1241 (1801—1826)

Въ 1801 г. умеръ Ш. Мурадъ, и тогда же воцарился сынъ его Миръ-Хайдеръ.

Еще при отцѣ, будучи 16 лѣтъ, начальствовалъ онъ отрядомъ въ войскѣ отца во время похода въ Персію. Впослѣдствіи получилъ въ управленіе городъ Карши. Въ Карши сидѣли обыкновенно наслѣдныя принцы бухарскіе.

Вступивъ на престолъ, М. Хайдеръ облеченъ во всѣ знаки царскаго достоинства; но чрезъ 2 года отказался отъ всякой пышности и, подражая отцу, принялъ титулъ „эмиръ-эль-муменинъ“. Не мало трудовъ положили онъ на усмиреніе волненій своихъ подданныхъ и на отраженіе нападений хивинцевъ. Бухарское ханство при немъ далеко не пользовалось тѣмъ значеніемъ, какое имѣло при Ш. Мурадѣ, который неизмѣримо выше стоитъ своего сына. Но если Миръ-Хайдеру не доставало того ума и способностей, того политическаго такта, какимъ обладалъ его отецъ, то не уступалъ онъ ему въ религіозномъ усердіи. Мирза Шемсъ говоритъ, что, водворивъ тишину въ управленіи, М. Хайдеръ принялся за ученіе, и въ 10 лѣтъ окончилъ полный курсъ. Тогда набралъ онъ въ ученики отъ 400 до 500 муллъ и сталъ преподавать имъ богословскія науки по восьми-девяти часовъ въ день. А вотъ показаніе другаго свидѣтеля, Изетъ-Уллаха: „Миръ-Хайдеръ высокъ ростомъ и хорошо сложенъ. Цвѣтъ лица у него прекрасный; но горячность, съ какою предается онъ отправленію религіозныхъ обязанностей, постъ, который постоянно соблюдаетъ онъ черезъ 2 дня въ третій, наконецъ неутомимость, съ какою творитъ онъ судъ подданнымъ, сдѣлали его блѣднымъ и вилымъ. Въ полночь онъ встаетъ и читаетъ приличную молитву, и затѣмъ до зари продолжаетъ свои религіозныя занятія.

Посѣтившій въ 1832 году Бухару лейтенантъ Борнсъ, по собраннымъ имъ тамъ свѣдѣніямъ, такъ обрисовалъ М. Хайдера: „этотъ человекъ явилъ себя скорѣе муллою чѣмъ государемъ: его строгое слѣдованіе корану, сдѣлавъ его самого знаменитымъ въ мусульманскомъ мірѣ, распространило ханжество и усилило фанатизмъ въ странѣ, которою онъ правилъ. Свой титулъ эмира-эль-муменинъ понималъ онъ буквально, и большую часть своего времени употреблялъ на исправленіе и улучшеніе нравовъ своего вѣка. Не царскія, а поповскія отправлялъ онъ обязанности: читалъ молитвы при погребеніи умершихъ, вступалъ въ богословскіе споры въ мечетяхъ, управлялъ церковнымъ служеніемъ и преподавалъ въ семинаріяхъ. Если бы его усилія были устремлены на

внѣшнюю политику, замѣчаетъ Борнсъ, то онъ, можетъ статься, болѣе благодѣтельствовалъ бы свои владѣнія“.

Въ 1820 г. Бухара, послѣ долгаго перерыва, вновь видѣла въ своихъ стѣнахъ русскую миссію. То была миссія Негри, извѣстная трудами Мейендорфа, Пандера и другихъ. Но какой либо матеріальной выгоды она намъ не принесла.

Вскорѣ послѣ того посѣтили Бухару англійскіе путешественники (въ 1823—4 гг.) Муркрофтъ и Гетри, которые на возвратномъ пути были отравлены бухарцами по повелѣнію подозрительнаго эмира.

Миръ Хайдеръ билъ монету и отъ своего имени, величая себя сейидомъ и падишахомъ, и билъ въ честь отца — Маасума-гази; а иногда разомъ въ честь отца и дѣда, — Даниаль-бія.

Умеръ М. Хайдеръ 4 числа ребіа I 1242 г. (6 октября 1826 г.)

О его ханствованіи см. у Миръ-Изетъ-Уллаха, посланнаго Муркрофтомъ для изслѣдованія пути передъ его, Муркрофта, путешествіемъ въ среднюю Азію. Описаніе Изетъ-Уллаха издано во франц. переводѣ Клапротомъ въ Journal Asiatique 1826—7 г. У Мейендорфа, составившаго описаніе Бухарскаго ханства, изд. въ Парижѣ въ 1826 г. Нѣсколько раньше издалъ свою книгу въ Берлинѣ докторъ Эверсманъ, Reise nach Buchara; Эверсманъ находился въ Бухарѣ одновременно съ миссіей Негри. Показаніе татарина Муртазы Фейзулина (1807—1823) издано Генсомъ въ его сборникѣ Beiträge zur Kenntniss u. s. w. Письмо бухарца Сейфуллаха изд. В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ Bulletin de l'Academie t. XVI, p. 279—282.

Сейидъ-Эмиръ-Хуссейнъ

съ 4 ребіа I по 19 джумади I 1242 (съ 6 октября по 19 декабря 1826 г.)

Въ тотъ же день, какъ умеръ Миръ-Хайдеръ, на бухарскій престолъ вступилъ старшій сынъ его Хуссейнъ-султанъ. Но второй сынъ покойнаго эмира честолюбивый Насръ-Улла, правившій городомъ Карши, явился соперникомъ молодому эмиру. Еще при жизни отца сталъ онъ готовить себѣ сторонниковъ и въ самой Бухарѣ, и въ своемъ городѣ. Особенно старался онъ привлечь на свою сторону сипаевъ. Имъ позволялъ Насръ-Улла отнимать у жителей ввѣреннаго ему города все, что имъ нравилось, давая тѣмъ знать, что еслибы добился онъ высшаго положенія, еще бы болѣе облагодѣтельствовалъ ихъ. Подкупомъ привлечъ Н. Улла на свою сторону хакима Кушъ-беги и топчи-башу (начальникъ артиллеріи) Аяза.

Какъ только Насръ-Улла услышалъ о смерти отца и о вступленіи на престолъ брата, тотчасъ съ войскомъ бросился къ Бухарѣ; но одолѣть брата не могъ и вернулся ни съ чѣмъ. Прибывъ въ Карши, онъ отправилъ къ брату пословъ съ увѣреніемъ въ дружбѣ; но въ то же время сталъ готовиться къ новому противъ него походу. Этого похода Насръ-Уллѣ совершить не удалось, потому что эмиръ Хуссейнъ умеръ, какъ говорятъ, отъ отравы, данной ему хакимомъ Кушъ-беги. Царствовалъ онъ всего только 75 дней: съ 4 числа раби I до 19 джумади I (съ 6 октября по 19 декабря 1826 г.)

Омаръ.

Съ 19 декабря 1826 по 24 апрѣля 1827 г.

Во время смерти Хуссейна, при немъ находился меньшей братъ его, Омаръ. Мирза Шемсъ говоритъ, что эмиръ Хуссейнъ, чувствуя приближеніе смерти, самъ вызвалъ брата изъ Кермине, съ войскомъ его, въ Бухару, чтобы Омаръ сдѣлался его преемникомъ. Такъ поступалъ Хуссейнъ изъ опасенія, что Насръ-Улла казнитъ его приверженцевъ.

Между тѣмъ число друзей Насръ - Уллы все увеличивалось; а такъ какъ онъ, за смертью эмира Хуссейна, дѣлался и законнымъ наслѣдникомъ престола, то ему легко удалось одолѣть брата. Войско, посланное Омаромъ противъ Насръ-Уллы, перешло на его сторону. Но Бухара защищалась. Сорокъ четыре дня (*) простоялъ Насръ-Улла передъ стѣнами Бухары; наконецъ столица пала. По замѣчанію М. Шемса, Омаръ-ханъ былъ крайне безпеченъ; день и ночь тянулъ водку и вовсе не заботился о томъ, что дѣлалось внѣ города. Вступивъ въ Бухару, Насръ-Улла объявилъ себя эмиромъ; а хана Омара посадилъ въ темницу, откуда впрочемъ тому удалось бѣжать.

Насръ-Улла.

1827—1860.

По письму бухарца Сейфъ-Уллы, Насръ-Улла вступилъ въ Бухару 27 рамазана 1242 г. (т. е. 24 апрѣля 1827 г.).

Воцарившись, Насръ-Улла ежедневно, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, казнилъ по 50, по 100 человекъ сторонниковъ своихъ братьевъ. Власть эмира, при слабости Миръ-Хайдерѣ, сильно упала, а значеніе сипаевъ усилилось. Ослабить это сословіе и поднять

(*) По письму Сейфъ-уллы, осада длилась 51 день; по увѣренію М. Шемса — 54 дня.

верховную власть было первою заботою Насрѣ-Уллы, и достигъ онъ этого мастерски. Сперва нужно ему было устранить вліятельныхъ кушъ-беги и тончи-башу. Ловко замаскировалъ Насрѣ-Улла свои планы относительно этихъ лицъ, усыпилъ ихъ бдительность, и хитрость его удалась. Кушъ-беги сосланъ былъ сперва въ ссылку въ Карши, а потомъ заключенъ въ темницу. Та же участь постигла и начальника артиллеріи Аяза. Оба они были зарѣзаны въ 1840 г. Тогда эмиру легко уже было справиться съ сипаями. Ихъ рѣзали или заставляли искать спасеніе въ бѣгствѣ. Но все это дѣлалось такъ, что Насрѣ-Улла оставался въ сгоруцѣ, а молва о жестокости падала на его ближайшаго помощника, туркменца Рахмана-Бирди. Слюбивъ сипаевъ, Насрѣ-Улла образовалъ особое постоянное войско—сарбазовъ, въ которое много было завербовано и русскихъ плѣнныхъ, а особенно плѣнныхъ переіянъ, принявшихъ суннитъ. Съ этимъ-то войскомъ и началъ Насрѣ-Улла свои походы. Нѣсколько разъ побѣдоносно ходилъ онъ въ Кокандское ханство. Въ 1840 г. овладѣлъ онъ Ходжентомъ, а въ 1842 г. даже столицей ханства и убилъ тамошняго хана Мухаммеда-Али, его старшаго сына, брата и мать. Столицу же отдалъ солдатамъ на разграбленіе. Устроивъ дѣла въ Кокандѣ, поставивъ тамъ своихъ правителей, эмиръ вернулся въ Бухару, вполне увѣренный, что Кокандъ прочно присоединенъ къ его владѣніямъ. Но едва прошло 3 мѣсяца по взятіи Коканда, какъ тамъ, лѣтомъ 1842 г., вспыхнуло возстаніе, и владычество бухарцевъ въ этомъ ханствѣ рушилось. Эмиръ съ 20-тысячнымъ войскомъ двинулся въ Кокандъ и осадилъ столицу. Долго длилась осада, какъ вдругъ въ бухарскій лагерь пришло извѣстіе, что хивинцы вторглись въ бухарскія владѣнія и стали производить тамъ великія опустошенія. Тогда Насрѣ-Улла поспѣшилъ на защиту своихъ владѣній.

Съ этимъ западнымъ сосѣдомъ эмиръ Насрѣ-Улла,—такой эмиръ, шутить съ которымъ было опасно,—справиться не могъ. Его походы противъ хивинскаго хана Алла-Кула ограничивались только тѣмъ, что бухарское войско, постоявъ на правомъ берегу Аму, удалялось вѣшать, не причинивъ хивинцамъ ни малѣйшаго вреда.

Съ другой стороны, бунтовала противъ эмира шахрисябзская область. Съ большими усилиями, послѣ настойчивыхъ походовъ, повторявшихся нѣсколько лѣтъ сряду, удалось Насрѣ-Уллѣ, лѣтомъ 1856 г., овладѣть непокорныхъ Шахрисябзомъ. Трудность этихъ походовъ заключалась въ томъ, что шахрисябзцы дѣлали окрестности города неприступными, наводняя ихъ. Наконецъ жители, утомленные постоянными нападеніями, не выдержали и сдались.

Владѣлъ Насрѣ-Улла и Мервомъ; но не долго.

Отношенія Насрѣ-Уллы къ Россіи были довольно дружественны. Эмиръ просилъ прислать ему горныхъ офицеровъ для наученія бухарцевъ добывать золотой песокъ въ рѣкѣ. По этой его просьбѣ отправлены были въ Бухару, въ 1839 г., майоръ Ковалевскій и капитанъ Гернгросъ. Но, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ намъ Хивы (тогда предпринимался извѣстный зимній походъ въ Хиву), офицеры эти попасть въ Бухару не могли. Въ 1841 г. отправлено къ эмиру посольство подъ начальствомъ майора Бутенева. Въ этомъ посольствѣ находились: ориенталистъ Н. В. Ханыковъ, естественснпытатель Леманъ и горный офицеръ Богословскій. Миссія эта имѣла важные результаты въ научномъ отношеніи.

Не таковы были отношенія эмира къ англичанамъ. Лейтенантъ Борнсъ еще благополучно посѣтилъ Бухару въ 1832 г.; но два другіе англичанина, Стодартъ и Конолли, были всенародно казнены на площади Бухары.

Насрѣ-Улла, вѣрный преданіямъ своихъ предшественниковъ, старался поднять религіозный духъ своихъ подданныхъ, которые не такъ уже, какъ прежде, стали радѣть къ дѣлу религіи. Пришлось пустить въ ходъ палки, которыми лѣнливыхъ побуждали молиться Богу. Борнсъ былъ очевидцемъ такой сцены на главномъ базарѣ въ Бухарѣ. Въ ближайшую предъ тѣмъ пятницу четверо мусульманъ были найдены спящими во время молитвы, а пятый (молодой человекъ) курилъ въ то же время. Теперь ихъ вели связанными другъ съ другомъ; а провинившійся въ несвоевременномъ куреніи держалъ въ рукахъ трубку. Сзади шелъ полицейскій, который щедро награждалъ преступниковъ ударами толстой плети, приговаривая: „смотрите, правовѣрные, какъ наказуются нарушители закона!“ Тотъ же Борнсъ передаетъ, что онъ былъ пораженъ тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ на бухарскихъ улицахъ соблюдается день пятницы. Ни одна лавка не отпирается раньше втораго часа по полудни, т. е. до окончанія молитвы; до этого же времени всѣ жители молятся въ мечетяхъ, разодѣтые въ лучшіе свои наряды.

Про эмира сообщаетъ тотъ же источникъ, что онъ не такой ханжа, какъ Миръ-Хайдеръ; но строго соблюдаетъ всѣ обряды своей вѣры и во всемъ слѣдуетъ предписаніямъ корана.

Насрѣ-Улла умеръ осенью 1860 г. (5-го октября) по возвращеніи изъ Самарканда, какъ полагаютъ, отъ медленнаго яда, подсыпаннаго ему лейбъ-медикомъ, подкупленнымъ шахрисябзскимъ владѣтелемъ.

Свѣдѣнія о ханствованіи Насрѣ-Уллы находятся: въ „Запискахъ“ Мирзы - Шемса (изд. В. В. Григорьевымъ съ переводомъ и примѣч. въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета 1861 г.); у Борнса въ его „Путешествіи“ (Travels into Boukhara); въ „Описаніи“ бухарскаго ханства Ханыкова (Спб. 1843); въ показаніяхъ нашихъ плѣнныхъ, вышедшихъ изъ Бухары, и въ нѣкоторыхъ статьяхъ, написанныхъ по поводу нашихъ сношеній съ этимъ ханствомъ; напримѣръ, у Залѣсова въ описаніи посольства полковника Игнатѣва (Русскій Вѣстникъ 1871 г.).

Эмиръ Музаффаръ (съ 1860 года).

Сынъ и послѣдникъ Насрѣ-Уллы Миръ-Музаффаръ, въ послѣдніе годы царствованія отца, находился въ Кермине. Раньше, какъ послѣдникъ престола, правилъ онъ городомъ Карши; здѣсь составилъ онъ заговоръ противъ отца. Заговоръ былъ открытъ, заговорщики поплатились жизнью; а Музаффаръ переведенъ въ Кермине, поближе къ отцу. Здѣсь и жилъ онъ въ опалѣ. Получивъ извѣстіе о смерти отца, тотчасъ же поспѣшилъ Музаффаръ въ Бухару, куда прибылъ послѣ уже погребенія Насрѣ-Уллы, и вступилъ на престолъ безъ кровопролитія.

Въ его царствованіе произошло враждебное столкновеніе Бухары съ Россіей,—столкновеніе, котораго старались избѣгать прежніе эмиры. Результатъ этого столкновенія былъ для бухарцевъ крайне печаленъ. Въ 1868 г. нами взятъ Самаркандъ, и эмиръ потерялъ лучшую половину своего ханства по долину Зеравшана, которая вошла въ составъ нашей имперіи. (Передовой нашъ пунктъ къ Бухарѣ—Катта-курбанъ). Другую половину эмиръ удержалъ лишь изъ милости и по нежеланію нашему расширяться въ Азіи. Наше дружелюбіе къ эмиру выказалось и другимъ образомъ. Въ Шахрисябзѣ возмутился старшій сынъ Музаффара, Абдулъ-Маликъ-Мирза. Чтобы предупредить могущіе возникнуть безпорядки и безполезную рѣзню, посланъ былъ къ Шахрисябзу русскій отрядъ, который разбилъ эмирова сына и занялъ городъ; городъ этотъ мы отдали эмиру.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, народъ въ Бухарѣ не очень-то благоденствуетъ; онъ отягощенъ налогами. Поземельная подать платится въ размѣрѣ третьей части урожая; танапная подать увеличена. Сверхъ прежнихъ налоговъ, наложены новыя подати, которыхъ раньше не бывало.

При эмирѣ Музаффарѣ Бухара дважды видѣла въ своихъ стѣнахъ русское посольство: посольство Татаринова въ 1865—6 годахъ и Носовича въ 1870 г. Первое описано Татариновымъ (Семимѣсячный плѣнъ въ Бухарѣ); второе—Костенко (Путешествіе въ Бухару русской миссіи въ 1870 году).

Итакъ, Бухара потеряла половину своихъ владѣній и притомъ находится вполне въ нашихъ рукахъ, потому что мы можемъ лишить ее орошенія,—стоитъ только запретить каналы, проведенные къ Бухарѣ изъ Зеравшана. Слѣдовательно, со стороны Бухары мы можемъ считать себя въ Азіи обезпеченными: въ нашихъ рукахъ имѣется самое дѣйствительное средство смирить эмира, если бы онъ вздумалъ враждовать противъ насъ.

Н. В.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

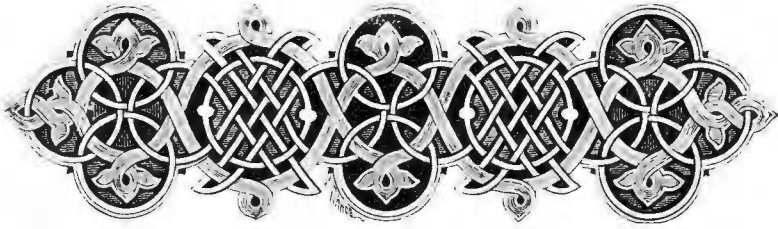
Русс. Инв. пишетъ:

Подъ заглавіемъ: *Vorstudien fur einen englische-russischen Krieg. Im april 1878 geschrieben, von V. Hanneken, Generalleutenant*, появилась въ Берлинѣ брошюра, обратившая на себя вниманіе читающаго общества. Авторъ, генералъ прусской службы и извѣстный военный писатель, г. Ганнекенъ, разбираетъ въ брошюрѣ шансы войны между Россіею и Англіею, и приходитъ къ заключенію, что если Россія направитъ сильный и главный ударъ на Индію, то неблагоприятный исходъ войны для Англіи будетъ почти внѣ всякаго сомнѣнія.

Для того, чтобы убѣдить читателей въ вѣрности своего заключенія, авторъ сначала разбираетъ политическую обстановку, въ которой была бы ведена подобная война. Изъ сопоставленія интересовъ европейскихъ государствъ г. Ганнекенъ выводитъ первое свое положеніе, что война будетъ ведена Россіею противъ Англіи и Турціи: другихъ союзниковъ, говоритъ авторъ, Англія не найдетъ среди европейскихъ государствъ.

Затѣмъ, г. Ганнекенъ сопоставляетъ средства и силы обѣихъ сторонъ. Несравненно сильнѣйшій англійскій военный флотъ, по

РАМАЗАНЪ ВЪ САМАРКАНДѢ И КУРБАНЪ-БАЙРАМЪ ВЪ БУХАРѢ.

МУСУЛЬМАНЪ Средней Азіи праздниковъ не много, но за то и справляются они основательно. Праздники эти: идъ-уль-фитръ—«розговѣнье», послѣ мусульманскаго поста, курбанъ - байрамъ—«праздникъ жертвоприношенія»; и ноурузъ—«новый годъ», праздникъ весны. Послѣдній—установленіе гражданское, а не церковное, производитъ въ народѣ большое оживленіе и сопровождается загородными гуляньями, байгой (скачками), борьбой и тому подобной томашой. Увеселенія эти продолжаются иногда недѣли двѣ и въ разныхъ мѣстахъ бываютъ въ разное время; но обыкновенно въ мартѣ мѣсяцѣ. Празднованіе «розговѣнья» и «жертвоприношенія» не отличается здѣсь, по бѣдности населенія, такою пышностію и торжественностію, какъ въ другихъ мусульманскихъ странахъ, какъ въ Персіи и Турціи; но хлопотъ, заботъ и всякаго рода суеты, не мало и въ Туркестанѣ; а о тѣхъ безобразіяхъ, какимъ предаются, напримѣръ, шіиты-персіане въ праздникъ мухарремъ, нѣтъ у туркестанцевъ и помина.

Постъ установленъ Мухаммедомъ въ память ниспосланія корана въ рамазанъ—9-й мѣсяцъ года ¹⁾. Постъ этотъ обязателенъ (фарзъ), какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Освобождаются отъ него

¹⁾ «Мѣсяцъ Рамазанъ есть тотъ мѣсяцъ, въ который ниспосланъ вамъ коранъ, въ руководство людямъ, въ объясненіе того руководства и различенія добра отъ зла. Кто изъ васъ въ этотъ мѣсяцъ находится дома, тотъ въ продолженіе его долженъ поститься; а кто будетъ боленъ, или въ путешествіи, тому такое же число дней поститься въ другой мѣсяцъ». Коранъ, переводъ Сабдукова, гл. II, стихъ 181.

больные и путешественники (мусафиры), поэтому покойный эмиръ бухарскій всегда предпринималъ путешествія по ханству въ мѣсяцъ рамазанъ. Освобождается отъ поста и тотъ, кто удалился отъ своего мѣстопробыванія на три дня пути или остановился въ какой-либо мѣстности (хотя бы и въ родномъ городѣ) не болѣе какъ на 15 дней. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ требуется пеня въ пользу бѣдныхъ (черезъ муллу мечети въ своемъ кварталѣ)—3 нимча пшеницы за себя и по стольку же за своихъ членовъ семьи, хотя бы они и постились. Если жена у него беременна, то плата взимается и за будущаго младенца. По расчету можно вносить пеню и деньгами.

Постъ мусульманскій (руза, или какъ произносятъ русскіе въ Туркестанѣ ураза) состоитъ, какъ извѣстно, въ полномъ воздержаніи отъ пищи, питья, куренія и т. д. въ теченіе всего дня, отъ зари до зари, и въ разрѣшеніи всѣхъ удовольствій ночью. Оттого мусульманскій постъ особенно тяжелъ, когда приходится лѣтомъ, и не только тяжелъ, а просто даже губителенъ: строгое воздержаніе днемъ и безобразное обжорство ночью производятъ усиленную смертность въ теченіе всего рамазана. Сарты, поступающіе въ услуженіе къ русскимъ, легче смотрятъ на свой постъ и въ одиночку почти не постятся, но если ихъ въ домѣ двое или больше, то постятся всѣ непременно. «У русскихъ законъ не хорошъ,—говорилъ мнѣ одинъ сартъ,—имъ все равно постимся мы или нѣтъ; а въ Бухарѣ строго наблюдается за поведеніемъ народа: увидить рейсъ, что ѣдятъ—сейчасъ плеть, курятъ—опять плеть». Хорошо благочестіе изъ-подъ плети!

Въ 1885 году, когда рамазанъ приходился на іюнь мѣсяцъ, довелось мнѣ быть въ Самаркандѣ и наблюдать мусульманскій постъ среди туземнаго населенія.

Не пользуясь календарями, въ которыхъ точно опредѣляется время появленія новой луны, туркестанцамъ приходится наблюдать это появленіе самымъ примитивнымъ способомъ: смотря на воду (въ прудъ или рѣку), или забравшись въ глубокой колодезь. Человѣкъ, который явится къ мѣстному казію съ заявленіемъ, что ему удалось увидѣть серпъ луны, получаетъ въ награду халатъ. Свидѣтельствовать можетъ всякій, кто представитъ двухъ поручителей, которые не откажутся, въ случаѣ надобности, присягнуть на коранѣ, что этому человѣку можно вѣрить. И въ такомъ случаѣ казіи не имѣютъ права не вѣрить, хотя бы и былъ убѣжденъ въ противномъ. Желаніе получить награду отъ казія или бека возбуждаетъ соревнованіе наблюдателей, но богатымъ обыкновенно не удается первымъ увидать народившуюся луну: у бѣдняковъ глаза видятъ лучше. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бываютъ постоянные уже вѣстники рамазанскаго новолунія. Тамъ, гдѣ удалось раньше высмотрѣть народившуюся луну, и постъ начинается раньше; но

во всякомъ случаѣ разница бываетъ не болѣе, какъ на одинъ день. Оттого мусульманинъ въ Средней Азіи и не знаетъ: начнетъ ли онъ свой постъ сегодня или завтра. На этотъ случай арабы ввели даже особый терминъ въ свое законовѣдѣніе: яуму-ш-шакъ (день сомнѣнія). «Сомнѣніе» случилось и въ Самаркандѣ. Начала поста ожидали съ вечера пятницы 31 мая и приготовились уже начать постъ хорошимъ ужиномъ; но извѣщенія о наступленіи рамазана не послѣдовало, чему народъ былъ очень радъ. Въ Шехрисабзѣ, между тѣмъ, постъ былъ возвѣщенъ семикратными выстрѣлами изъ пушекъ и барабаннымъ боемъ въ пятницу, какъ сообщилъ мнѣ потомъ одинъ очевидецъ.

Въ субботу, 1-го іюня, наканунѣ перваго числа рамазана, въ 8 часовъ вечера, жители были возвѣщены о наступленіи поста особымъ сигналомъ, своего рода зорей, исполняемой на деревянныхъ трубахъ подъ акомпанементъ барабановъ (нагара). Музыканты, выводявшіе своеобразныя мелодіи, помѣщались у мечети Ширъ-даръ. Масса народу собралась на площади (регистанъ), большинство составляли ребятишки, которые положительно бѣсновались и производили оглушительный вой. Взрослая молодежь тоже не оставалась спокойною: двое-трое молодыхъ парней схватывались руками и старались повалить одинъ другого. Только сѣдые старцы расхаживали чинно и какъ-то странно посматривали на толкавшіеся среди нихъ русскаго; но ни отъ кого не слыхалъ я ни одного недоброжелательнаго выраженія. Изрѣдка приходили наши солдатики небольшими группами послушать туземной музыки. Женщинъ, конечно, не было ни одной. Болѣе часа продолжалась эта суматоха и прекратилась за совершенной темнотою.

Постъ начался. Воскресенье день базарный; но нѣтъ на базарѣ обычнаго оживленія и шума; всѣ ходятъ молча, какъ бы боясь утруждать себя не только работою, но даже разговоромъ; чайныя лавки пусты, и самоваровъ въ нихъ не видать. Къ 1 часу на базарѣ сдѣлалось совсѣмъ пусто: большинство предалось сну, гдѣ попало и какъ попало. Хотя коранъ и предписываетъ проводить время поста на молитвѣ въ мечетяхъ; но и спать не запрещается; сномъ и убиваютъ правовѣрные томительный день. Бодрствующіе же, истомленные жарой и воздержаніемъ, двигаются, какъ тѣни, возбуждая къ себѣ жалость въ постороннихъ наблюдателяхъ и придавая унылый видъ туземнымъ городамъ и селамъ. Рабочіе, принужденные добывать себѣ пропитаніе поденнымъ трудомъ, работаютъ только до полудня, но работаютъ вяло и болѣе мечтаютъ о снѣ, чѣмъ занимаются своимъ дѣломъ. Къ вечеру все оживаетъ. Лавки отпираются, зажигаются огни, и послѣ намаза пишинъ, «когда бѣлую нитку нельзя отличить отъ черной», начинается розговѣнье (ифтаръ). Въ Бухарѣ, гдѣ обыкновенно запрещается выходить на улицу, безъ крайней надобности, послѣ 8 часовъ вечера,

базаръ во время рамазана продолжается всю ночь (базари шабъ), и всю ночь народъ гуляетъ. Въ Самаркандѣ особенное оживленіе происходитъ за Пайкобакскими воротами и за городомъ, въ Календаръ-ханэ (дервишскій монастырь). Въ Календаръ-ханэ находится садъ, въ которомъ устроено множество чайныхъ лавокъ, съ огромными русскими самоварами, расположились продавцы фруктовъ, кумыса и кебаба, на мѣстѣ же, въ походныхъ очагахъ изготавливаемого. Тутъ же маскарabaзы (актеры) потѣшаютъ публику своими представленіями, болѣе или менѣе скабрезнаго свойства: какъ дѣлать арыкъ, какъ мулла тащить въ школу ученика, и т. п.; тутъ и бачи, окруженные толпой обожателей. Тутъ же пристроился французъ-фокусникъ, взимавшій съ посѣтителей по двугривенному за входъ въ свой балаганъ—цѣна для сартовъ очень большая. Въ обыкновенные дни Календаръ-ханэ открытъ до 9 часовъ вечера, а въ рамазанъ на всю ночь. За Пайкобакомъ происходятъ уже чистыя безобразія. Въ лунныя ночи сарты большими компаніями разъѣзжаютъ изъ Календаръ-ханэ къ Пайкобакскимъ воротамъ и обратно. Съ ущербомъ луны разгулъ нѣсколько ослабѣваетъ вслѣдствіе административнаго распоряженія русскихъ властей въ предупрежденіе несчастныхъ случаевъ, воровства и драки. И такъ, что запрещается мусульманину днемъ, тѣмъ съ избыткомъ вознаграждаетъ онъ себя ночью. Конечно, не всѣ же безобразничаютъ. Очень многіе собираются въ компаніи, гдѣ муллы читаютъ книги религіознаго содержанія, и гдѣ развлекаются только чаемъ.

Часа въ 3 ночи, передъ разсвѣтомъ, раздается барабанный бой: это приглашаютъ правовѣрныхъ поѣсть, пока еще можно (сахаръ). И правовѣрные нагружаются пищей, сколько могутъ.

Въ кишлакахъ рамазанъ проводится гораздо скромнѣе, чѣмъ въ городахъ.

Жениться въ рамазанъ нельзя; свадьбы разрѣшены только въ послѣдніе три дня мѣсяца. Обрѣзаніе же можно совершать во весь постъ.

Какъ никто не знаетъ заранѣе, когда начнется постъ, такъ никто не знаетъ въ точности, когда онъ и кончится: для этого надо увидать народившуюся луну слѣдующаго мѣсяца шевваля. Но всѣ готовятся къ празднику (байрамъ, или идъ-уль-фитръ), и въ предполагаемый сочельникъ (рапа) закупаютъ провизію, заготавливаютъ обновы домочадцамъ—семейный вопросъ великой важности. Подарки выражаютъ степень расположенія главы дома къ своимъ ближнимъ. Не сѣмѣтъ онъ удовлетворить ихъ сокровенныхъ желаній, эти ближніе отравятъ ему завтрашній праздникъ домашними сценами.

30 іюня барабанный бой въ 8 часовъ вечера возвѣститъ окончаніе поста. Всѣ какъ-то оживились и повеселѣли. Хорошъ постъ, котораго ждуть со страхомъ, исполняютъ со вздохами, а провожаютъ съ радостію!

1 іюля, послѣ намаза въ 10-мъ часу утра, открылось гулянье на регистанѣ. Лавки были отворены. Все почистилось; особенно замѣтно это на стѣстныхъ лавкахъ: ихъ побѣлили, печи завѣсили краснымъ кумачемъ. Народъ вырядился въ лучшіе халаты. На базарѣ и регистанѣ продается масса игрушекъ домашняго, самаго незатѣйливаго издѣлія: деревянныя лошадки, напоминающія жирафовъ, погремушки, глиняныя свистульки и т. д., и т. д. Люди достаточные разѣзжаютъ на извозчикахъ - сартахъ: новый родъ развлеченій, явившійся при русскомъ владычествѣ. Въ гуляньѣ принимаютъ участіе и русскіе изъ простаго народа.

Курбанъ-байрамъ бываетъ черезъ два мѣсяца и 10 дней послѣ рамазана, т. е. 10-го числа мѣсяца зиль-хиддже, служить воспоминаніемъ принесенія Авраамомъ въ жертву Богу сына своего Измаила ¹⁾, (а не Исаака, такъ какъ Мухаммедъ измѣнилъ библейскій разсказъ). Празднество продолжается 4 дня. Въ первый день обязательно приносить жертвы, а мясо жертвенныхъ животныхъ раздавать бѣднымъ. Шаріатъ не рассчитываетъ на великодушіе людей и состраданіе ихъ къ своимъ ближнимъ, а потому опредѣляетъ весьма точно, кто сколько обязанъ жертвовать, сообразно получаемому доходу или количеству свободныхъ денегъ въ это время. Кто имѣетъ 200 тенегъ (40 рублей), тотъ обязанъ заколоть одного барана. Сообразно увеличенію дохода увеличивается и жертва: дѣло доходитъ до коровы, лошади и, наконецъ, верблюда. Но такъ какъ исполненіе этого постановленія возлагается на совѣсть каждаго, то человѣкъ скупой и малосовѣстливый всегда съумѣетъ усчитать свой доходъ въ свою пользу. Бѣдняки приносятъ жертвы по усердію, кто чѣмъ можетъ.

Въ 1885 году мнѣ пришлось быть во время праздника курбанъ-байрама въ Бухарѣ, еще при прежнемъ эмирѣ Музаффарѣ, и я обратилъ особенное вниманіе на это торжество. Вотъ какъ оно происходило.

Наканунѣ праздника (это было 6 сентября), когда поминаютъ умершихъ родственниковъ ²⁾, отъ имени эмира раздавались по ме-

¹⁾ См. Коранъ, гл. 37, стр. 81—112. Разсказъ Корапа о жертвопринесеніи довольно кратокъ, но преданія добавляютъ его. Въ Бухарѣ я слышалъ такую редакцію: Когда Авраамъ точилъ ножъ, въ то время Измаиль обратился къ отцу съ такими словами: «зачѣмъ ты хочешь рѣзать меня этимъ ножомъ? быть можетъ онъ нечистый, и на мнѣ будетъ еще больше грѣха». Ставъ Авраамъ рѣзать сына, и ножъ не подѣйствовалъ. И вотъ явился Джебранъ и приказалъ Аврааму оставить сына, а зарѣзать кушкара (баранъ-самецъ съ большими рогами). Авраамъ такъ и сдѣлалъ. Изъ крови кушкара выросъ бамбукъ, плодъ котораго имѣетъ форму бараньяго живота; оттого деревни и употребляютъ для сбора подаяній чашки изъ скорлупы этого орѣха. Женщины вѣрятъ, что кораллы появились также изъ крови кушкара.

²⁾ Поминаютъ талканомъ: поджариваютъ пшеницу, толкутъ ее и смѣшиваютъ, кто съ русскимъ медомъ (богатые), кто съ мѣстной патокой (бѣдные), и тѣсто это ѣдятъ. При поминкахъ соблюдаютъ нечетъ (тока): хлѣбъ, напримеръ, подаютъ въ нечетномъ числѣ.

«истор. вѣстн.», июль, 1888 г., т. XXXIII.

четямъ деньги бѣднымъ людямъ, которыхъ въ Бухарѣ очень и очень много. Говорили, что эмиръ отпускаетъ для этой цѣли два лака серебряныхъ монетъ, т. е. 200,000 тенегъ (нѣсколько болѣе 40,000 рублей). Сумма довольно значительная; но такъ какъ на Востокѣ любятъ все преувеличивать, то я думаю, что эту цифру мы смѣло можемъ сократить хотя бы только на одинъ ноль. Въ 4 часа пополудни пробилъ барабанъ; а въ 5 часовъ провозглашено съ мечетей, что завтра послѣдуетъ праздникъ курбанъ-байрамъ. Въ 7 часовъ воззваніе было повторено вновь и продолжалось съ $\frac{1}{4}$ часа.

7 сентября, въ день праздника, съ ранняго утра раздался рѣзкій и непріятный бой въ барабаны, сопровождаемый трубными звуками. Музыка эта, замѣняющая, какъ и обычный азанъ, нашъ колокольный звонъ, продолжалась до 8 часовъ и прекратилась предъ началомъ моленія (намаза).

Моленіе совершается за городомъ, въ намазга, отстоящемъ отъ города версты на двѣ. Это обширная площадь, десятины въ 15, обнесенная глинобитною стѣною. Внутри ограды находится мечеть съ большимъ куполомъ. При мечети выстроено нѣсколько, соединяющихся между собою, келій для дервишей. Сюда, въ намазга, народъ собрался спозаранку: каждый старается занять мѣсто поближе къ мечети. Оригинальную картину представляла эта масса людей въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ чалмахъ, въ пестрыхъ новыхъ халатахъ. На всѣхъ подобныхъ торжествахъ женщины отсутствуютъ. Онѣ или выглядываютъ украдкой изъ какого-нибудь укромнаго уголка, или спѣшно пробираются по своимъ дѣламъ, прижимаясь къ заборамъ улицъ и стѣнамъ жилищъ. Въ мужскомъ обществѣ имъ нѣтъ мѣста. Вся площадь внутри ограды была устлана чистыми коврами, на которыхъ богомольцы расположились цѣлыми семьями.

Моленіе началось не въ 7 часовъ ¹⁾, какъ бы слѣдовало, а въ 9 часовъ, такъ какъ къ этому только времени пріѣхалъ эмиръ. Сейчасъ же раздался призывъ къ порядку: сафонъ-сафонъ, т. е. «въ ряды (становитесь), въ ряды!» Азанъ этотъ повторялся нѣсколько разъ семью муэззинами одновременно. Затѣмъ, имамъ всталъ передъ михрабомъ (ниша въ мечети указывающая направленіе киблы), поднялись и всѣ присутствующіе и изготовились къ молитвѣ, отпустивъ назадъ конецъ чалмы (фаць ²⁾) и выстроившись въ ряды (сафъ). Предварительно читается эктенья (хутба), а затѣмъ начинается моленіе, состоящее изъ двухъ ракятовъ, приступая къ совершенію которыхъ, молящійся говоритъ про себя: «вознамятрившись совершить два ракята намаза праздника курбанъ, обращаюсь къ киблѣ, той киблѣ, что въ каабѣ, и подражаю здѣсь предстоящему имаму. Богъ Великъ!» Такъ какъ занимающій пло-

¹⁾ Молитву въ этотъ день надо начинать тогда, когда солнце поднимется надъ горизонтомъ на высоту растущаго дерева или на два копья.

²⁾ Простой народъ не наблюдаетъ строго длину фаца, но у имама она должна быть не менѣе 7 кавазъ (мѣра соотвѣтствуетъ величинѣ кулака).

шадь народъ не можетъ ни видѣть, ни слышать имама, то въ разныхъ мѣстахъ намазга разставлены такбирчи (возглашатели), чистомъ быть можетъ до сотни, которые и повторяютъ возгласы имама послѣдовательно другъ за другомъ; но и то далеко не всѣ слышали такбирчи, въ особенности тѣ которые находились на улицѣ.

Для эмира особаго мѣста въ мечети не полагается: первые ряды занимаютъ сейиды и ходжи (потомки Мухаммеда), а эмиру приходится становиться уже позади ихъ.

За намазомъ слѣдуетъ жертвоприношеніе, но предварительно имамъ читаетъ народу поученіе на тему о милостынѣ и дѣлаетъ наставленіе на счетъ обряда закланія жертвы. Эмиръ жертвуетъ верблюдомъ, но самъ, какъ мы передавали, не закалываетъ его, такъ какъ шаріатъ допускаетъ совершеніе обряда по довѣренности: эмиръ беретъ въ руки одинъ конецъ чалмы или какой-либо ткани, а другой держитъ рѣзакъ, который и закалываетъ животное. Имамъ получаетъ отъ эмира халатъ.

По окончаніи церемоніи, часовъ около 10, возобновился барабанный бой, съ большею чѣмъ прежде силою. Народъ устремился вонъ и у воротъ произошла страшная давка, не всегда проходящая благополучно. Весь путь отъ города до намазга уставленъ лотками съ съѣстными припасами, фруктами, игрушками. Тутъ продается жареная рыба, баранина, лепешки, крашенныя куриныя яйца, которыхъ навалены цѣлыя горы, виноградъ, арбузы, дыни и проч. При этомъ наблюдается извѣстный порядокъ: продукты разложены рядами, сообразно ихъ однородности. Муллы и дервиши раздаютъ народу несмѣтное количество молитвъ (дуа), написанныхъ на лоскуткахъ бумаги, въ предупрежденіе отъ разныхъ напастей, одолѣвающихъ человѣчество. Отплачиваютъ за эти молитвы, кто чѣмъ можетъ, обыкновенно даютъ по одной чакѣ (въ одной нашей копѣйкѣ 3 чакѣ).

Лавки запираются на два дня, и торговля въ это время принимаетъ своеобразный видъ, располагаясь на площадяхъ и большихъ улицахъ. Мужская половина населенія толпами шествуетъ по улицамъ и вполнѣ наслаждается уличною жизнію, столь любезною азіатцамъ. Каждый старается принять участіе во всеобщей томашѣ; но тѣхъ безобразій, которыя такъ неразлучны съ нашими народными гуляньями, здѣсь не бываетъ по отсутствію главной причины всѣхъ безобразій—спиртныхъ напитковъ. Народъ усердно тѣшится пляскою бачей, представленіями маскарабазовъ или наслаждается чаемъ въ чай-ханѣ.

На слѣдующій день, 8-го сентября, эмиръ съ 7 часовъ утра принималъ отъ народа поздравленія съ праздникомъ. На третій день празднество замѣтно слабѣетъ, все мало-по-малу приходитъ въ обычную колею, и возбужденное населеніе возвращается къ своимъ постояннымъ занятіямъ.

Н. И. В.